

РАКЕТА

Настольная лампа моргнула несколько раз, затем ослепительно вспыхнула и погасла – отключили электричество. Это происходило каждый день примерно в одно и то же время. Новый микрорайон, новый дом – электрики говорили «идут подключения». Понять можно.

Марат с мамой переехали в этот дом после развода. Квартира им досталась хорошая – светлая, просторная, теплая, и Марату определили тихую комнату с балконом. И что самое радостное – все в этой квартире было новое: и стены, и потолок, и мебель, и даже тарелки с ложками. Квартира вкусно пахла свежим ремонтом. Только вот электричество шалило.

Марат отвлекся от ракеты, отодвинул от себя заготовку головного обтекателя и сел на диван. Стал смотреть в окно.

Было еще не совсем темно – город только начинали окутывать сумерки. Вечер выползал из-за далекой линии горизонта и разворачивал синее со звездами покрывало. Вернее, еще не совсем синее, так, слегка голубое, но какая-то нетерпеливая звезда уже мерцала над микрорайоном. Наверное, это была Венера. Марат захотел уточнить в справочнике, но вспомнил, что нет электричества и снова сел на диван. Звезды он любил и знал, и космос тоже. Справочник был нужен, наверное, просто для собственной уверенности. И ведь это точно была Венера.

Завтра суббота, в этот день Марат планировал поехать с папой в планетарий, но папа не звонил. По крайней мере, мама ничего не говорила. Марат думал, что вот сейчас, когда нет света, когда тепло и темно, – самое время для папиного звонка. Ну, вот позвони он прямо сейчас, и было бы что обсудить, построить планы, придумать что-то.

Но папа не звонил, поэтому планов на завтра не было никаких. Кроме стабилизаторов.

Стабилизаторы ракеты-носителя «Протон-М» – это самое сложное, но одновременно и самое интересное. Требовалось очень много усердия, чтобы собрать их точно по чертежу, склеить ровно, и аккуратно соединить с корпусом. А потом уже можно красить и доделывать всякие мелочи.

Марат собирал ракету уже третий месяц, работал тщательно и вдумчиво, с необыкновенной любовью. Он хотел ее подарить Алле Аркадьевне – учительнице физики. Просто так подарить, не ради чего-то. Ведь дарят же какие-то люди музеям всякие монеты, книги, старые стулья, фотоаппараты... Вот и он хотел просто так – взять и подарить ракету Алле Аркадьевне и кабинету физики. Пусть стоит там как экспонат. И не нужно никому говорить, что это именно он – Марат Алеев – сделал ее своими руками. И совсем не обязательно кому-то знать, что чертежи ракеты и картон с бумагой, и клей и прочие принадлежности Марат искал по магазинам лично, и

покупал все на свои деньги. На те, что давала мама и иногда папа. Марат просто хотел сделать доброе дело.

Та же самая Алла Аркадьевна часто говорила на уроках, что сейчас очень сложное физическое время, и мир подвержен саморазрушению. Все процессы в мире направлены на разрушение. Поэтому очень важно заниматься творчеством, то есть создавать что-то. Для равновесия, чтобы всего было поровну – на каждую гибель материи должно быть новое рождение. Пока мир пытается себя разрушить, Марат Алеев будет создавать. Хотя бы картонную ракету.

Раздался звонок. Папа?

Марат вскочил и выбежал из комнаты. Мама уже подавала ему трубку:

- Твой безумный папа звонит, поговори.

Марат чуть не задохнулся от радости!

- Привет, пап!

В трубке раздался беззаботный и энергичный голос папы:

- Привет, сын! Как дела?

- Все норм.

- Что это опять за новое слово «норм»? Что оно означает?

Марат немного смутился и даже слегка покраснел.

- Ну, норм. Это значит, все нормально, хорошо.

- А я скучаю, сынок. Как ты? Как здоровье?

- Норм. Ой! Нет, все отлично. Не болею. Да, свет снова выключили. Недавно... Да, включают, конечно.

Папа замолчал на мгновение. Затем Марат услышал то, чего вообще не хотелось слышать:

- Знаешь, сынуля, я завтра не смогу приехать... У меня дополнительная работа появилась, надо будет фотографировать. Ну, сам понимаешь. Я очень по тебе скучаю, очень сильно тебя люблю и хочу приехать, но...

Марат вздохнул:

- Я понимаю...

- Ну, ты же у меня умница! Я тобой горжусь, сын!

- Угу...

- Ну, что за голос? Что за упаднические настроения? Отставить грустить! Мне нужен бодрый и веселый сын!

- Угу...

- Не «угу», а «так точно»!

- Угу...

- Не грусти, сынок! Я тебя люблю. Сильно-сильно! Ты – мое всё!

«Не грусти» - легко сказать. Город за окном стал еще темнее. И света нет и вообще...

- А в планетарий мы съездим на следующих выходных, хорошо? Потерпишь немного, сынуля?

- Угу...

- Ну, что-то мне не нравится твое состояние... Маратка, расскажи, какие победы сегодня у тебя были? Что в школе?

- Да ничего. Так...

- А пятерочки? Пятерочки были?

- Одна... По английскому.

- Ты у меня красавец! Большой молодец! Ну, целую тебя, милый, дай, пожалуйста, трубку маме. Люблю тебя...

- Ага...

Марат вернул телефон и рухнул на диван, словно кончился заряд. Сели аккумуляторы. Вообще, ничего не хотелось делать. Даже если дадут свет, он будет просто сидеть и не прикаснется к ракете. Какое тут может быть творчество?

Электричество неожиданно включили – лампа засверкала и немного ослепила, а на кухне вздрогнул и загудел холодильник.

- Маратка, сынок, иди кушать! – через несколько минут позвала мама.

Марат посмотрел в окно. Город стал совсем черным, а дома зажгли разноцветные окна. Венера уползла куда-то, зато появилось с десятков новых звезд. Они разбежались по синеве неба и подмигивали друг другу.

Марат сидел за столом, вяло терзал котлету вилкой и размазывал соус по тарелке, пока все не остыло окончательно. Есть не хотелось, но мама не ругала. Она просто убрала тарелку и налила чаю.

- Бери печенье и уйди с глаз моих! То не хочу, это не хочу...

- Угу... - Марат поплелся в комнату и устроился за столом. Разложил детали стабилизаторов, открыл баночку с клеем. Затем снова закрыл. Отхлебнул чаю. Потянулся за пультом – хотел включить телевизор – но не дотянулся.

Задумался, случайно раскрыв печенье на детали ракеты.

Папа вовсе не работал фотографом, это он так – подрабатывал случайными заказами. И как назло, все эти заказы выпадали на выходные, как будто в другой день нельзя фотографироваться! Нужно оно ему было? Наверное, нужно. Папа тоже что-то создавал.

Вообще, он хороший... Улыбается, как артист. Постоянно что-то рассказывает интересное, как служил, как в командировки ездил, что видел. Марату такое и не снилось – папа посетил двадцать стран, всю Европу объездил. И подарки еще дарит – книги, тетради, фломастеры всякие. И у него есть «его всё». И это «его всё» это он – Маратка.

Марат не понимал, почему мама так не любит папу? Почему она называет его «безумным». Обычный он... Как у всех. У них в классе почти у всех мальчишек отцы живут отдельно. Потому что мир склонен к саморазрушению.

Ракета лежала перед Маратом разбросанная, как осенние листья в парке. Еще не целая, не склеенная, не собранная. Не живая. Матовые листы картона для заготовок лежали рядом. Нужно было нанести разметку, сделать черновой вариант. Чтобы потом не ошибиться. Хорошо бы не один стабилизатор на черновую склеить, а штуки три, чтобы руки приучить. Вообще, у «Протона» их шесть, и вовсе это не стабилизаторы, а боковые блоки первой ступени с баком и двигателем. Просто Марат их так называл, для удобства. Но какая сейчас разница? Она же все равно никогда не полетит.

Вот если бы полетела!

Марат закрыл глаза, и ему показалось, что он, в противоречие разрушающемуся миру, создал такую небывалую ракету, что она ожила! Да, она ожила! Она стала огромная, горячая, дрожащая. Струи пара исходили от нее и окутывали фермы стартовой площадки. Вокруг суетились роботы – готовили ракету к полету. Никакие люди были больше не нужны, все сделают роботы. Пусть люди занимаются творчеством, пока мир пытается сам себя разрушить.

И в модуле полезной нагрузки будет находиться самый современный корабль, в котором хватит места для мамы, папы и для него. Можно еще взять кота, который сейчас спит под столом на кухне.

Марат отложил печенье, пошел на кухню и вытащил кота из-под стола. Тот спросонья ничего не понял и поэтому даже не кусался. Марат прижался щекой к теплой и мягкой кошачьей спине.

- Давай, давай, просыпайся...

Кот очухался и вырвался из рук, мяукнул что-то, вновь скрывшись под столом.

- Дурачок... - Марат сладко зевнул.

Было еще не поздно. Можно было забросить ракету на шкаф до завтра и посмотреть «Локомотив-Авангард», или позвонить Витьке, или вообще залезть в ванну с книжкой.

Эта идея показалась Марату лучшей за сегодняшний вечер.

Он быстро разделся до трусов, выбрал на полке самое большое полотенце и обернулся им. Затем настроил воду, налил в ванну шампуня, чтобы под струей получилась пышная, душистая пена, и пошел за книжкой.

Мама сидела в своей комнате и разговаривала с кем-то по телефону. Марат слышал лишь обрывки разговора.

- ... ты с ума сошел? Ну, вроде бы договорились на завтра. Ну, не знаю... Ты вечно что-нибудь придумаешь. Да, да! Сначала одно, потом другое, потом третье! Кто так делает-то?

Марат завис в коридоре с поднятой ногой и с книгой в руке. Прислушался. С кем это она?

- ... сам тогда поговори. А вдруг он не захочет?

Дверь резко открылась и в коридор вышла мама. Она была чем-то обеспокоена – Марат понял это по сверкающим глазам.

- А, ты здесь – буркнула мама. – Отец снова хочет завтра приехать. Ты не передумал?

Она нацелила в Марата два острых лезвия своих глаз.

Марат покачнулся, он слегка потерял равновесие, стоя на одной ноге. К тому же полотенце размоталось и рухнуло на пол.

- Что? – он словно только что вернулся из космического полета.

- Ничего! – мама сделала какое-то сморщенно-кукольное лицо и протянула Марату сотовый телефон. – Отец, говорю, звонит. Ты на завтра не передумал? Гулять пойдешь с ним?

- А!?

- Бэ! На, общайся...

Мама сунула в руку Марату телефон и закрыла за собой дверь.

- Привет, пап... – растерянно произнес Марат.

- Привет, сынуля, еще раз! Ну, как ты?

Марат все еще был в космосе.

- Я? Норм...

Отец рассмеялся в трубку.

- Ну, раз норм, то и норм! В общем, я завтра приеду! Ты часов в двенадцать, давай, уже будь готов! Чтобы рубашка была свежая, джинсы без пятен. Понял?

- Ну, понял...

- И без «ну», сынуля! Целую!

На валяющееся на полу полотенце мягко приземлилась книга, выпавшая из рук Марата. Она спланировала тихо и без шелеста, как космический аппарат, спускаемый на землю на упругих стропах посадочного парашюта...

КТО СДАЛ?

Две недели назад у нас событие случилось, да какое событие! До сих пор все разбираются. Взрыв! И пятно! Пятно, получается, на нашу замечательную образцово-показательную мужскую гимназию, известную во всем городе, как лучшее образовательное учреждение. Да...

Словом, восьмой «А» подрался с восьмым «В». Собрались после уроков за территорией, у лесочка и устроили битву. Прямо стенка на стенку, махались руками-ногами, с применением вспомогательного оружия – портфелей, палок, сотовых телефонов и даже кирпичей. Тетрадки и карандаши разлетались по округе.

А причина проста и незамысловата – «вэшки» днем ранее выиграли «ашек» в футбол, чего им делать категорически запрещалось. Все знают, что самый спортивный класс в нашей параллели – это восьмой «А», все призы у них всегда и рекорды тоже.

И вот, когда бой разгорелся до самой высшей температуры, выбежали охранники, физрук с директором и еще там всякие учителя и начали ловить всех подряд. Окружили нас. Пойманных бойцов затаскивали сразу на педсовет. Кого не поймали – записали. А как тут скроешься? Гимназия маленькая, все всех знают. Невезуха, иначе никак не скажешь.

Итоги драки так себе – несколько фингалов, подбитые губы, пара расквашенных носов ну и по мелочи. Можно сказать, что никто серьезно и не пострадал, но обидно было. Получилось, что пока мы смотрели рукопашную баталию, кто-то тайком проник в учительскую и сдал. Именно сдал! Предал!

Вот оттого и обидно. Кто же так делает? Неужели у нас каждый день класс на класс дерется? Из-за всполошенных преподав, которые носились по лесочку как угорелые, даже и непонятно было, кто в этой драке победил.

На следующий день вызвали родителей всех до одного – очередь перед директорским кабинетом выстроилась до второго этажа. Последний раз такое случалось, когда прорвало трубы и кипятком залило кабинеты левого крыла – тогда собирали деньги на срочный ремонт, чтобы не срывать учебный процесс.

Пятого и шестого уроков у всех восьмых классов не было – отменили. Шли допросы и всякие следственные мероприятия. Нас, зрителей, тоже гнули, словно это мы дрались.

Пацаны выходили из кабинета дирика с красными носами, расстроенные, под зорким присмотром отцов и матерей. А с боков только и слышалось: «ну что там?», «как оно?», «что будет?».

Славка Короленко (из восьмого «А») самый спокойный был. Отец ему уши надрал прямо в коридоре, мы все видели, а он ничего, держался. Сказал нам:

- Пока не ясно ничего. Говорят, по поведению гуся за год влепят. Чтобы все лето отрабатывать... Могут и родоков на деньги поставить - штрафы.

Затем нам устроили тотальное родительское собрание в актовом зале, на котором распекали каждого персонально. Мол, да как же ты, Вася, такое допустил? Или да как тебе, Коля, не стыдно? И все такое прочее... Жуть, одним словом. Из-за одного мерзавца такие приключения теперь. Длился этот «концерт» до вечера.

Когда родителей распустили, мы расходиться не стали, собрались тайно – много нас народу было, все три восьмых класса, все, кто были на драке. Обсуждали, конечно, вопросы решали. Тут и война на время забылась – все стали, как один. Перемирие у нас образовалось, как в джунглях во время засухи.

Решили коллегиально, что нужно стукача вычислить и наказать.

Кто-то выкрикнул:

- А как ты его найдешь? Вдруг он здесь сейчас среди нас?

Ну, это глупости! Мы же ведь своих знаем. И помним, кто до драки пришел, кто во время драки был и кого после учителя сцапали. Нет, такой вариант невозможен, тут все свои собрались.

Получается, что стукач либо из-за угла подглядывал, либо из окна, либо еще каким образом.

Разбились на классы, начали считать, кто драку пропустил. Составляли списки. В «А» классе и «В» таковых, понятно, не было. А вот из нашего «Б» класса, троих не досчитались.

Женька Григорьев стал перечислять:

- Кондрата не было, Сереги Кондратьева, он болеет. Его вычеркиваем – железное алиби. Значит, это либо Косачев Димка, либо Ринат Ахметзянов. Их и сейчас тут нет, сечете?

Так! Теперь понятно. Все сходится, как нельзя лучше, по алгоритму. Оба классические ботаны. Не было сомнений, что кто-то их них нас всех и сдал.

Наши зашумели.

- Вот заразы!

- Позор!

- Я им обоим носы сломаю!

А потом кто-то умный подал великолепную идею – до понедельника всем молчать! Чтобы ботаники ничего не подозревали.

- Пацаны, ведем себя тихо. Не было ничего, ясно? Все замолкли и дышим ровно. Потом прищемим сразу обоих.

Все логично, именно так и нужно было поступить.

Погалдели мы еще немного и разъехались по домам – получать то, чего недополучили на собрании...

В долгожданный понедельник первым отоварился Ахметзян. Между первым и вторым уроками, на перемене его зажали в туалете и так размяли ребра, что он не мог дышать. Ползал под умывальником, хныкал, как девчонка. Так ему и надо, гаду.

Правда, он ни в чем не признался, ну так это понятно! Если признается – еще хуже будет.

Потом поймали Косачева – навесили и ему. Конкретно так навесили: подбили обе брови – они превратились в два синих пятна – и порвали пиджак. Пусть так походит, сволочь.

Но он тоже не сознался, только кровавые пузыри пускал. Словно сговорились они с Ахметзяном.

Да и плевать на них.

В общем, мы «ашкам» и «вэшкам» отчитались, что задача выполнена. Воспитательные процедуры проведены в полном объеме, что называется.

Кто-то хвастался еще:

- Видал, как я ему сунул, а?

- А я? Точно в переносицу попал!

Все верно. Так и надо.

Главная цель достигнута. Нужно было, чтобы все поняли – коллектив не потерпит в своих рядах предателей. В мужском обществе не любят мягкотелых неженков. Не можешь сам драться – так сиди и молчи, когда другие это делают. Таковы суровые условия жизни в строгом и жестоком обществе. А чем наша гимназия отличается от реального мира? Да ничем!

А эти сбежали, да еще и преподав навели. За это мы их и проучили.

Вторник прошел спокойно – из стукачей на занятиях никого не было. Ну, это естественно, они зализывали раны и грелись под одеялками, рыдая над своей несчастной предательской судьбой.

А в среду в гимназию заявили следаки...

И уроки в восьмых классах вновь остановили.

Что потом началось – даже рассказывать не хочется. Полный следственный калейдоскоп: собрания, педсоветы, протоколы, объяснительные, докладные, журналы, описи, допросы, разговоры и очные ставки. Хоть кино снимай про организованную преступность.

Гимназия стояла на ушах, у всех было шило в одном месте, причем вовнутрь. Младшие классы вообще не понимали, что творится – по коридорам бегали ученики и препода, все были красные и зеленые, как помидоры в теплице.

Заглох даже звонок.

Конечно, досталось всем, и никто не остался сбоку. Капитально так досталось. Мои родители тогда чуть не развелись, когда спорили, что со мной делать.

А кончилось все речью директора гимназии в актовом зале, куда нас загнали уже по темноте. Он сказал, что на заднем дворе, за учебным корпусом и около лесочка установлены скрытые видеокамеры. Точно такие же, как висят над парадным крыльцом, в гардеробных и в коридорах. Только скрытые...

Скрытые!!!

Они их нарочно, понимаете ли, скрыли, ради недопущения всего такого подобного.

В общем, противно, гаденько.

У меня и сейчас такое ощущение, словно глины с песком наелся...